

Глава 8

Фу Сиянь хоть и вел жизнь затворника, но прекрасно знал, где в Хаоцзине прожигают жизнь сливки общества и куда стекаются сильные мира сего. Раз уж он решил накликать на себя беду, нельзя было связываться с простым человеком. Стоит ему козырнуть своим статусом чиновника, и любая «проблема» тут же превратится в недоразумение, а это в его планы не входило. Впрочем, и нарываться на настоящую «сталь» тоже не следовало — он хотел подпортить репутацию себе, а не подставить под удар всю семью.

После долгих раздумий выбор пал на таверну «Цзыцзуй». Поговаривали, что это заведение принадлежало теще столичного префекта. К тому же именно здесь когда-то дебоширил Чжу Юйда — проверенное место всегда внушает больше уверенности.

Стоило Сияню подойти к дверям, как навстречу выпорхнул расторопный зазывала:

— Почтенный гость пожаловал! Позвольте узнать, заказывали ли вы место?

— Нет, — высокомерно бросил он. — Но мне нужна ваша лучшая отдельная комната.

«В такой час лучший кабинет наверняка уже занят кем-то важным? — предвкушал он. — Хе-хе-хе...»

Не зная пределов своей выносливости в выпивке, Сиянь решил устроить сцену, пока еще оставался трезв.

— Сию минуту! — радостно выкрикнул слуга. — Проводите гостя в Комнату Срывания Звёзд!

***

Юноша озадаченно окинул взглядом снующих туда-сюда посетителей. Что за дела? Час пик, известнейшее заведение, лучший кабинет — и пустует?!

«Вы... вы что, всех этих людей в зале для массовки наняли? — возмутился он про себя»

План затрещал по швам.

«Нет, я прошел уже слишком долгий путь, чтобы сдаться у самого старта! — решил он»

Фу Сиянь двинулся вперед, переставляя ноги с таким трудом, будто на каждой висело по пуду свинца. Слуга попытался было подхватить его под локоть, но тот решительно отстранился:

— Нет. Я сам пройду этот путь своими ногами.

Провожатый лишь молча посторонился, гадая про себя, сколько еще гостей не смогут пройти по коридору из-за габаритов этого клиента.

В этот момент за спиной раздался чистый, звонкий голос:

— Любезный, свободные комнаты остались?

Сиянь мгновенно преобразился. Ловко, словно и не весил две сотни цзиней, он развернулся на пятках. Его взгляд, подобно поисковому лучу, прошелся по стоявшему у входа молодому господину. Судя по одежде и манерам — типичный сын богатых родителей, причем лицо незнакомое, среди столичной знати он его точно не встречал.

Поняв, что перед ним чужак, юноша окончательно успокоился. Он рванулся вперед с грацией, совершенно не свойственной человеку его комплекции, и заступил незнакомцу дорогу.

Молодой человек, на которого внезапно налетел этот «вихрь из плоти», не сумел скрыть испуга.

Сиянь расплылся в обманчиво вежливой улыбке, а когда парень немного расслабился, тут же перешел в атаку:

— Сразу видно — человек вы статный, благородный. Наверняка привыкли обедать лишь в лучших покоях. Признавайтесь: решили у меня Комнату Срывания Звёзд отобрать?

Незнакомец, опешив от такого странного сочетания комплиментов и обвинений, на миг растерялся. Не зная, то ли гневаться, то ли радоваться похвале, он мягко ответил:

— Почтенный брат, вы зря беспокоитесь. Благородный муж не станет посягать на то, что дорого другому. Хоть я и не смею называть себя образцом добродетели, но мы видимся впервые, и у нас нет причин для вражды. Это всего лишь комната, зачем мне с вами спорить?

Сиянь застыл.

«Ну почему эти богатеи такие вежливые? — сокрушался он. — Где капризы? Где праведный гнев в ответ на откровенную наглость?»

Он уже подбирал слова для следующего захода, когда в таверну шумной гурьбой ввалилась еще одна компания — приятели молодого человека, с которыми тот договорился встретиться.

В голове Сияня вспыхнула искра:

— О, люди все разные! Откуда вам знать, что ваши друзья думают так же? Не хотите ли... повнимательнее... расспросить их?

«Ну же, возмутитесь хоть кто-нибудь! — взмолился он про себя. — Потребуйте эту комнату!»

Заметив недоуменные взгляды спутников, молодой человек вкратце объяснил ситуацию, особо подчеркнув, что ни в коем случае не претендует на чужое место. Друзья, как один, ответили:

— Пусть Брат Чжань решает.

Сиянь окончательно пал духом.

«Брат Чжань, да почему ты не можешь оправдать свое имя и хоть немного побороться?! — негодовал он. — Где молодая кровь? Где горячий нрав?!»

Он уже набрал в грудь воздуха, чтобы выдать новую порцию дерзости, когда из-за спин собравшихся вышел высокий юноша.

— Зачем выбирать? Коль встретились — значит, судьба. Не пообедать ли нам всем за одним столом?

«Вы что, думаете, у меня денег на еду нет?»

Сиянь уже готов был испепелить наглеца взглядом, но стоило ему присмотреться... Зрачки сузились, рот приоткрылся, а через миг на лице засияла самая преданная и жаркая улыбка:

— Хорошо! Прекрасная идея! С радостью!

Молодые люди переглянулись. Теперь они были уверены: этот толстяк просто искал повод пообедать за чужой счет. Сиянь лишь нервно посмеивался. Он и рад бы исчезнуть прямо сейчас, но... кто посмеет отказаться от приглашения Третьего принца?

В этот момент Сиянь всерьез усомнился в реальности происходящего.

Судя по тому, как развиваются события, его жизнь явно не вписывалась в канон «истории о неудачнике». В конце концов, он годами испробовал все шаблоны: ковырял палкой в золе, носил подозрительные старые кольца, подбирал обрывки «секретных техник»... Не хватало разве что прекрасной невесты, которая пришла бы в дом расторгнуть помолвку и унижить его. Он честно пытался найти хоть какой-то «золотой палец», но в итоге решил, что его попадание в

этот мир — просто досадная ошибка небесной канцелярии.

Но в последнее время жизнь вдруг забила ключом: на новой работе строят козни, а стоит самому попытаться кому-то досадить — натыкаешься на принца... Неужели он с самого начала перепутал жанры? Что, если он вовсе не главный герой эпика, а лишь один из многочисленных поклонников в каком-нибудь любовном романе?

«Тогда какой смысл стараться? — подумал он. — Против воли сюжета не попрешь — никакой талант не поможет, если автор решит, что небо должно обрушиться»

Горький опыт прошлых неудач заставил Сияня помрачнеть. За столом он сидел как на иголках, едва притрагиваясь к еде. Брат Чжань заметил, что гость в глубокой задумчивости тычет палочками в соевый соус, и деликатно подсказал:

— Воспользуйтесь ложкой.

Третий принц тоже обратил на него внимание:

— Кушанья пришлись вам не по вкусу?

Сиянь поднял голову.

В этот миг последний луч заходящего солнца золотил волосы его высочества, окружая его голову ослепительным сиянием — впрочем, это видение могло быть лишь следствием разыгравшегося воображения.

Однако его тяга к «избранным судьбой» была слишком сильна. Он стиснул зубы. Раз уж судьба сама столкнула их, как можно сдаваться без боя?

— Вкуснотища! — расплылся он в улыбке. — Даже соус здесь — пища богов!

Обед прошел в на редкость душевной обстановке. Расставаясь, Брат Чжань даже придержал Сияня за рукав, не желая отпускать.

— Скажи, — не выдержал Сиянь, — я ведь тебя в самом начале несправедливо обвинил. Ты совсем не сердишься?

Тот застенчиво улыбнулся:

— Это всё из-за моей внешности. Матушка всегда говорила, что я притягиваю к себе лишнее внимание. Я и сам от этого страдаю, так что не виню тебя, брат Фу.

Сиянь застыл.

«Вини... Вини меня, это я дурак слепой»

Домой он вернулся с запахом вина и полным разбродом в мыслях. К его удивлению, родные даже обрадовались: они решили, что служба наконец-то вытянула этого заядлого затворника в свет.

Фу Лиань не упустил случая озадачить его новым делом:

— Близится день рождения Вдовствующей наложницы Чэнь. В подарок ей готовят Картину Ста Долголетий. Среди императорской родни не набралось достаточно юношей, не достигших совершеннолетия, поэтому решили добрать из семей знати. Ты, Фу Дунвэнь и Фу Чэньшэн тоже в списках.

— Значит, мы будем позировать для этой картины? — засомневался Сиянь. — А ну как мне выпадет роль «Яо Си, мстящего за отца»? Не придется ли моему батюшке тогда «положить жизнь за отечество» ради правдоподобия?

Фу Лиань поперхнулся:

— Картина Ста Сыновних Почтений для Ее Высочества — это просто собрание сотни юношей, пришедших поздравить ее с праздником. С Яо Си это никак не связано. И заклинаю тебя: никогда, слышишь, никогда не говори об этом отцу!

Лиань всерьез опасался, что батюшка скончается от гнева в родных стенах раньше, чем успеет совершить какой-либо подвиг.

— Если об этом узнает кто-то третий, — кивнул Сиянь, — значит, это ты разболтал.

Лиань лишился дара речи. Говорят, старший брат — как отец, и сейчас он как никогда понимал желание родителя отведать младшего плетью. Только так можно было выпустить пар.

***

Ради Картины Ста Сыновних Почтений Сиянь в свой последний день службы в гвардии Юйлиньвэй решил заглянуть к художникам. Он и не думал, что встретит там нового знакомого.

Брат Чжань искренне обрадовался встрече:

— Я еще в тот день понял, что вы человек необычный, брат Фу! Кто бы мог подумать, что вы

служите в Юйлиньюэй!

Тогда, за обедом, Третий принц не стал расспрашивать о его имени, и Сиянь был рад этой недоговоренности. Но, видно, нити судьбы связали их крепко.

Юноша представился по всем правилам и добавил:

— Завтра я перевожусь в Цзиньюэй. Если что понадобится — ищи меня в их управе!

Слова эти были пустой любезностью. Цзиньюэй должны были вот-вот отправиться в Лоян, собственной управы в Хаоцзине у них не было — их просто временно подселили к гвардейцам Цзиньюэй. Найти его там было бы невозможно.

Не зная этого, Брат Чжань рассыпался в благодарностях и тоже открылся: он оказался из семьи Лоу, из поместья графа Лэань. Семья Лоу сейчас была в фаворе — их наследник Лоу Уцзай слыл гением боевых искусств и пользовался личным расположением императора. По влиянию они давно обошли поместье графа Юнфэна.

— Меня зовут Лоу Байчжань. Прошу простить, что выдал себя за человека по фамилии Чжань.

Он не стал объяснять причины своей скрытности, но Сиянь, помня о Третьем принце, не стал задавать лишних вопросов.

Поскольку Фу Сиянь был на посту, а Лоу Байчжаню нужно было идти к художникам, они обменялись парой фраз и разошлись.

***

Спустя несколько дней мастера наконец закончили собирать портреты всех юношей из знатных семей Хаоцзина. Свитки передали главному императорскому живописцу Мэй Сяину.

Получив работы, тот не отправился к Вдовствующей наложнице Чэнь, а свернул к Залу Шицуй.

В отличие от других дворцов, сияющих золотом и нефритом, Зал Шицуй в лучах солнца выглядел убогим и безжизненным. Трещины на стенах и облупившийся лак говорили о том, что ремонт здесь не делали десятилетиями. Лишь заросли роз у галереи пламенели яркими пятнами.

Ожидая в тени галереи со свитками в руках, Мэй Сяин держался подальше от роз, словно боялся, что их кричащая красота запачкает его безупречно белые одежды.

Вышедшая к нему служанка была холодна как лед. Не проронив ни слова, она лишь смерила художника равнодушным взглядом и, убедившись, что тот понял знак, повела его внутри.

У самого порога Мэй Сяин остановился и громко произнес:

— Подданный Мэй Сяин просит дозволения лицезреть Госпожу Жун.

— Входи, — донесся голос, такой же холодный, как и сам дворец.

Получив разрешение, он, склонив голову, переступил порог. Едва ощутив тонкий аромат орхидей, художник тут же опустился на колени. Высоко подняв свитки над головой, он произнес:

— Портреты, которые вы заказывали, готовы. Прошу вашего соизволения взглянуть.

— Подай сюда.

Служанка тут же забрала свитки и унесла их за ширму.

Там, у бронзового туалетного столика, сидела хозяйка дворца — Добродетельная наложница Жун Жун. Красота ее была столь яркой и ослепительной, что в этом сумрачном покое она казалась всполохом пламени, на который больно смотреть.

Она была полностью поглощена своим отражением. Медленно подводя брови, наложница небрежно бросила:

— Разверни.

Свитки начали медленно раскрываться один за другим. Но это не была сцена подношения даров, о которой думал Фу Лиань. Перед ними были три десятка портретов юношей — четко, в анфас.

Жун Жун отложила карандаш и медленно подошла к картине. Ее взгляд скользил по лицам, задерживаясь на каждом на мгновение. Она слегка нахмурилась:

— Никого не забыли?

— Я сверился со списками, — ответил Мэй Сяин. — Здесь все до единого.

— Наградить.

Служанка тут же протянула художнику золотой слиток. Мэй Сяин поклонился, собираясь уходить, но голос Госпожи Жун остановил его:

— Отметь пятерых самых красивых.

Ему протянули использованный карандаш для бровей. Сяин на мгновение замер, а затем почтительно принял его.

Картину развернули к нему. С полотна на него смотрели полные жизни и надежд молодые люди. В тот миг, когда их рисовали, они и помыслить не могли, что их судьбы вот-вот будут перечеркнуты этим карандашом.

Мэй Сяин помедлил и осторожно уточнил:

— Судить ли мне по их чертам или по костной структуре?

— Как угодно, — безучастно отозвалась Жун Жун. — Если пяти мало, отметь десятерых.

Рука Мэй Сяина едва заметно дрогнула.

— Слушаюсь.

Он быстро, почти не задумываясь, обвел пятерых, затем добавил еще одного, чей портрет был в самом углу. С поклоном вернув карандаш, он подождал немного и, убедившись, что распоряжений больше не будет, медленно покинул зал.

С его уходом из комнаты будто выветрились остатки жизни. Даже солнечный свет, падающий в окна, казался теперь безжизненным и серым.

Но Жун Жун этого не замечала. Она смотрела на портреты. Медленно подняв руку, она провела пальцем по своим губам. Подушечка, испачканная в алой помаде, резко полоснула по горлам всех обведенных юношей. Внезапная вспышка ярости исказила ее лицо. Она скомкала свиток и швырнула его прочь. Не в силах унять гнев, она бросилась к столику и одним движением смахнула на пол всё, что на нем стояло.

— Твари! Твари! Все до одного — твари!

Служанки стояли неподвижно, словно деревянные истуканы, не видя и не слыша ничего.

Ярость наложницы утихла так же внезапно, как и началась. Грациозно опустившись перед зеркалом, она взяла цветочную мушку и принялась примерять её к лицу.

— Отдай рисунок Ху Юю и передай ему...

Мушка наконец замерла в самом центре лба, между бровями.

— Ни одного не оставлять в живых.

<http://bllate.org/book/15317/1354472>